

## **ВЛАСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ**

**Андреева Е. А.**

**научный руководитель д-р филол. наук Говорухина Ю. А.**

*Сибирский федеральный университет*

Сегодня все более актуальными становятся исследования разных типов дискурсов, обладающих признаком властности. Так, М. Берг осмысливает критику в рамках процесса присвоения/перераспределения власти и символического капитала [1], В. Смолененкова акцентирует внимание на властных свойствах публицистической аргументации, которая характерна и для критики [3]. Дискурс власти как особую модель коммуникации исследует В. И. Тюпа. В основе нормативно-риторического типа культуры, согласно исследователю, лежит императивная картина мира, которая характеризуется монологичным характером коммуникации, приоритетом говорящего над слушающим, наличием критериев оценки действий адресата. Властный дискурс может быть осмыслен как ментатив – класс дискурсивных практик, предполагающих «некоторое ментальное событие в сознании адресата» [4]. Он «состоит в концептуализации своего референтного содержания, то есть в его “выкладке”, “развертке” для Другого» [Там же]. Критическое суждение, на наш взгляд, – суждение ментативное и может быть рассмотрено как форма властного дискурса.

Особый подход к проблеме власти и дискурса осуществляет М. Фуко, который рассматривал дискурс как регулируемое законами и правилами поле. Процедурой, позволяющей контролировать дискурс, по мнению Фуко, является запрет. На наш взгляд, ряд идей автора могут быть применены в анализе критики как властного «способа говорения». В частности, в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» Фуко осмысливает публичную казнь как одну из главных форм наказания, существовавшую вплоть до XVIII века. В литературной критике ее аналог – критический текст, в котором реализуется символическое наказание «чужого» автора. «Чужим» является автор, который не вписывается в ценностные рамки, актуальные для той или иной группы критиков/журнала. При этом важную роль играет «значимый третий». У Фуко это толпа, которая наблюдает со стороны казнь и на которую как на множество потенциально виновных и рассчитано «яркое зрелище», призванное жестоко наказывая одного, утратить всех. В критике «значимым третьим» в диалоге критика и писателя становится читатель как объект воздействия. Наглядный пример присутствия и обретения голоса «третьего» лица – публикуемые письма в редакцию, в которых читатели либо поддерживают позицию критика, то есть, в терминах Фуко, «бросают камни» в преступника, либо выступают в качестве защитников.

Совокупность таких особенностей критического дискурса, как императивная модальность, воздействующая направленность на Другого, наличие приемов убеждения и тактик манипулирования, позволяет сделать вывод о его властной природе. Ю. Говорухина доказывает, что «властное воздействие проявляется в разных направлениях критической деятельности: по отношению к художественному тексту (шире – литературному явлению) в акте интерпретации, по отношению к читателю в процессе коммуникации [2, стр. 123].

Запрет, который традиционно осмысливается как главный социальный регулятор, организующее и упорядочивающее начало, является важнейшим атрибутом властного дискурса. Однако критический текст как форма властного дискурса в большинстве своем не содержит прямых запретов: чаще они представлены

имплицитно. Отсюда возникает проблема реконструирования запретов, обнаружения вариантов их присутствия в тексте. Запрет в разных своих формах может быть реконструирован по «симптомам»/«следам», указывающим на его наличие в статье. Нашей целью является описание основных форм присутствия запретов в критике и способов их реконструкции. Материалом исследования послужили критические статьи, опубликованные в 2000-е годы патриотическим журналом «Наш современник».

Одним из «симптомов», по которому реконструируется запрет, является означивание «чужого» как преступного, предательства. Так, по мнению критика А. Убогого, автора статьи «О метафизике американского образа жизни», легкомысленное отношение к жизни, желание получать лишь блага, прагматизм американцев – прямой результат «акта предательства», которое они совершили, когда оставив земли отцов ради золота. Критик убеждает читателя в том, что они переступили не только территориальную границу, но и преступили границу законов морали. Преступление против нравственности для патриота то же самое, что грех. Таким образом, измена отечеству во имя наживы осмысливается как греховное деяние, совершенное «чужими». Американское легкомысленное отношение к жизни, любовь к материальному в сознании читателя должно быть запретным не только потому, что оно «чужое», но, что еще более важно, потому, что оно связано с преступлением, грехом, неповиновением воле отцов. Как измена родине, преступление означает и факт эмиграции, разрушительные последствия которой осмысливаются как заслуженное наказание. Так, А. Воронцов в статье «Потаенная русская литература» на примере лирики В. Набокова показывает, к чему привел писателя разрыв с родной землей. По мысли критика, за внешним благополучием Набокова скрывается «ад кромешный», что отражается в его произведениях. Так читателю задается установка, что утрата своих корней, разрыв с родной землей может привести к той же участи, которая постигла писателя-эмигранта.

Тактики нападения на писателей-либералов, западников, осуществляемые критиком-патриотом, также могут расцениваться как имплицитная форма присутствия запрета. Подобная тактика наблюдается в статье В. Лютого «Козье копытце», в которой критик дает отрицательную оценку системе ценностей постмодернизма и определяет само явление как «лужу», «отстойник», противопоставляя его «живой воде», «святому источнику» традиции, которую он сломил своим приходом. Обращаясь к сюжету известной сказки, в которой напившийся из козьего копытца мальчик стал козленком, критик напоминает читателю, что постмодернистская литература не способна утолить духовной жажды читателя, более того, она обезличивает его, лишает души и человеческих качеств. Такая устрашающая перспектива рождает в сознании читателя представление об опасности постмодернизма. Апелляция к страху в сознании читателя, механизм действия которого зарождается в далеком прошлом (табуированное явление еще в архаическом обществе вызывало страх), делает предполагаемый запрет более «видимым».

Апелляция к страху используется также и в случае изображения катастрофических последствий, которые следуют за нарушенным запретом. Критик В. Казарин уподобляет мир чеховских героев, в котором живут разобщенность, ненависть к ближнему, атеизм, потребительство, «страсть к самоубийствам» современному миру. Для чеховских героев гражданская война – катастрофическое событие, последовавшее за несоблюдением моральных норм. Критик, акцентируя внимание на современности, предупреждает читателя о том, что наше общество может постичь та же участь: «Состояния общества, подобные тем, что мы наблюдаем в “Дяде Ване”, – беременны гражданской войной». Война в сознании читателя ассоциируется с бесчисленными смертями, кровью, жестокостью, разрухой. Апеллируя к страху перед

событиями, которые постигли общество начала XX века, критик формирует у читателя запрет на мировосприятие, которое было свойственно героям чеховской пьесы, на отказ от Бога, пренебрежение его заповедями, которое влекло за собой эту самую разобщенность, презрение к ближнему, уныние.

Агрессия по отношению к явлению, которое не вписывается в область «своего» для критика-патриота, может проявляться в форме иронии. В статье Н. Переяслова «Дочитавший же до конца – спасется» иронический выпад против демократических журналов «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» делает явной границу «свой-чужой». Выражая поддельное удивление по поводу негативной реакции «Знамени» на прозу Сибирцева, критик иронизирует над своими оппонентами, приписывая их ценностному полю весь «суповой набор», характерный для творчества С. Сибирцева: «инцест, садизм, гомосексуальные и зоофилические акты, крупномасштабные оргии и мистика с оживающими покойниками». Оценивая сексуальную раскрепощенность и мистику с покойниками как явления несоприродные и враждебные для русской культуры, критик определяет их как табуированные для читателя патриотического журнала.

«Симптомом» запрета являются приемы, используемые с целью вызвать негативную реакцию адресата: ненависть, отвращение, презрение. Еще З. Фрейд указывал, что «табу» обозначается нечто «жуткое, опасное, нечистое» [5, стр. 38]. Так, В. Бондаренко в статье «Жизнь с открытым сердцем», чтобы сформировать для читателя запрет на ценности либеральной интеллигенции, пишет, что «они злорадно предвидят исчезновение русской нации как ненужной в мировом сообществе», а представителя либералов Дмитрия Быкова называет «изменником», который «не стеснясь пишет о трупе России». Критик демонстрирует читателю бездушие либералов, глумящихся над бедственным положением своих соотечественников. Все это позволяет критику создать образ либерально настроенного интеллигента как не просто чужого, а врага русского народа, изменившего ему, противника, с которым нужно бороться.

Сформировать запрет критику помогают и риторические вопросы, ответ на которые подразумевается и, как правило, содержится/проговаривается в самом тексте, подводя к мысли о катастрофичном будущем, которое наступит, если запрет будет нарушен. Данная тактика используется в статье В. Лютого, посвященной постмодернизму. В начале статьи мы снова видим вопрос, обращенный к читателю: «Сколь крепка постмодернистская деформация реальности и людей, куда влечет присущая постмодернизму повадка и интеллектуальный инструментарий?». Ответ на него предполагается текстом: деформация реальности в постмодернизме настолько сильна, что способна разрушить человеческую личность, лишит все человечество светлого будущего, подменить мир «его мертвой и опустошенной копией». Постмодернистская эстетика, по мнению критика, нежизнеспособна, она не соответствует естественным, гармоничным жизненным законам, а, значит, обрекает на смерть общество, которое ей следует. Ответ на риторический вопрос, по сути, является апелляцией к страху смерти в сознании читателя, что маркирует явление, приводящее к ней, как табуированное

На формирование запретов работает определяющая для критического дискурса оппозиция «свой-чужой», а также ее варианты «деревня-город», «провинция-столица», «истинное-ложное», Запреты, сформированные на данных оппозициях, легко поддаются реконструкции: обнаруживая один член оппозиции, всегда можно реконструировать другой. Так, реконструируя в тексте идеальный образ писателя или идеальный вариант пути развития страны для критика-патриота, можно сделать вывод об их противоположностях, составляющих объект запрета. В статье «Алая любовь Ольги Фокиной» критик В. Бондаренко описывая идеального писателя,

соответствующего ценностным ориентирам патриотов, одновременно дает представление о тех качествах, которые не приемлемы для него как приверженца патриотической идеологии. Он указывает на «принципиальную почвенность, приверженность красоте и истинности русской деревни» поэтессы, пишет о фольклорности ее языка, насыщенности ее стихотворений православными образами. Критик также обращается к биографии О. Фокиной, в которой особое внимание уделяется ее противостоянию городу. Оставшись верной традиционным, деревенским ценностям, по мнению критика, она сохранила себя как личность. В. Бондаренко называет О. Фокину «посланицей народного слова в мир русской поэзии конца XX века», подчеркивая ее близость народному духу. Этот положительный образ дает читателю представление об идеальном поэте, в жизни и творчестве которого реализуются патриотические мировоззренческие установки: любовь к деревне, природе, приверженность православной традиции. Положительная критическая оценка способствует принятию данных установок как истинных. По принципу оппозиции в сознании читателя формируется представление о ложном, и, следовательно, запрещенном: отсутствие любви к Родине, антинародность, принятие городских ценностей, таких как потребительство, культивирование материального, утрата связи с природой.

Таким образом, патриотическая критика подвергает категоричной оценке писателя/литературное явление, мысля в пределах оппозиции «свой-чужой». Вытеснение писателя или явления из сферы «своего», означивание его как «чужого» является символическим наказанием, зачастую представленным в текстах патриотов. Там, где есть наказание, есть и запрет, который можно реконструировать через его «симптомы». Такими «симптомами» могут быть, в первую очередь, непосредственная работа с оппозицией «свой-чужой», а именно присвоение статуса «чужого» писателю/литературному явлению. Запрет для читателя в данном случае формируется по логике «все, что чужое – запрещено». «Чужими» в статьях критиков-патриотов выступают западные, либеральные ценности с их демократическими идеалами. Также «следом», выводящим к запрету, является апелляция к таким чувствам читателя, существующим в их сознании, как страх или отвращение. Изображая катастрофичность будущего, явившегося результатом нарушения запретов, критик заставляет читателя переживать страх и тем самым формирует в его сознании запрет на причину, повлекшую катастрофу. Существование различных форм присутствия запрета в тексте подтверждает властную природу критического дискурса и делает возможным исследование в данном контексте еще одной формы явного/скрытого императива - долженствований.

#### Список литературы

1. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М.: НЛО, 2000. – 352 с.
2. Говорухина Ю. А. Власть, запреты и нарушения без наказания в современной литературной критике // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 119. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/g13.html>.
3. Смолененкова В. В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2005. – 248 с.
4. Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. – 2006. – Вып. 10. С. 36-45.
5. Фрейд З. Тотем и табу. – М., 1997. – 446 с.